

РУКОВОДСТВО

для

СЕЛЬСКИХЪ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬЪ ИЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на
мѣстѣ четыре руб., съ пере-
сылкою пять р. с.

№ 45.

Подписка принимается въ
редакціи сего журнала, при
кіевской семинаріи.

1870 года. Ноября 8-го.

Содержаніе: Поученіе къ простому народу на освященіе храма. — Должность неомощника въ православной Церкви — Русскіе народныя праздники съ ихъ обрядами. — Новая книга въ руководство для сельскихъ учителей и воспитателей. — Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ

къ простому народу на освященіе храма.

Благодареніе Господу Богу, сегодня у насъ, православные, освященъ новый придѣлъ въ память третьяго обрѣтенія честныя главы св. славнаго пророка Предтечи и Крестителя Іоанна, а вмѣстѣ и въ память страшнаго пожара, вспепелившаго нѣкогда въ тотъ день все селеніе наше и самый храмъ Божій. Итакъ въ нашемъ обширномъ и благолѣпномъ храмѣ теперь уже четыре престола.

Богоугодное дѣло созидать храмы Божіи и алтари для священнослуженія и молитвъ нашихъ Господу и украшать ихъ золотомъ и серебромъ и всякою утварью. Богоугодное дѣло ходить на освященіе храмовъ и жертвовать въ пользу ихъ кто что можетъ отъ *праведныхъ* трудовъ и избытковъ своихъ. Богоугодное дѣло и во всякое время посѣщать храмы Божіи,

особенно въ воскресные и праздничные дни, и слушать службу церковную,—утреню, обѣдню и вечерню,—съ должнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ. Все это, говорю, богоугодныя дѣла и для насъ спасительныя. И, слава Богу, православная Русь наша нескудна ими,—нескудна храмами Божиими, нескудна и усердіемъ къ нимъ, нескудна вообще набожностію и благочестіемъ. Каково только это благочестіе наше, какова эта набожность? Объ этомъ сегодня я и хочу побесѣдовать съ вами.

Созданы мы, братіе, Богомъ изъ души и тѣла и созданы, по слову Писанія, *ни дѣла благая, да въ нихъ ходимъ* (Ефес. 2, 10), чтобы *прославлять Бога въ тѣлесныхъ нашихъ и въ душахъ нашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. 6. 20). Значитъ благочестіе наше должно быть тѣлесное и духовное, и такъ какъ безсмертная и богоподобная душа важнѣе тѣлеснаго тѣла, то и благочестіе духовное должно быть важнѣе тѣлеснаго, такъ что тѣлесное должно служить только выраженіемъ духовнаго, въ которомъ вся сила, вся заслуга и безъ котораго тѣлесное благочестіе не больше какъ тѣло безъ души. *Богъ есть духъ*, говоритъ Евангеліе, *и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ* (Іоан. 4, 24). Тѣ люди, которые соблюдаютъ только одни наружныя, обрядовыя дѣла благочестія безъ искренняго расположенія и влеченія сердца, пропущутаго духомъ вѣры и любви христіанской,—тѣ люди все трудятся, идя по слѣдамъ древнихъ фарисеевъ и лицемеровъ, которыхъ сильно обличалъ І. Христосъ. *Послушайте, какъ Онъ обличалъ ихъ: горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что даєте десятину съ мяты, аниса и тмина и оставили важнѣйшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру: сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять. Вожди слѣпые, оцѣмживающіе комара, а верблюда поглощающіе! Горе вамъ, книжники и фари-*

сен, лицемеры, что очищаете вѣнность чаш и блюда, между тѣмъ какъ внутри они полны лицемерія и неправды. Фарисей сатаной! очисти прежде внутренность чаш и блюда, чтобы чиста была и вѣнность ихъ. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь обпленнымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. Такъ и вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемерія и беззаконія. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкамъ и украшаете памятники праведниковъ.... (Матѣ. 23, 23-29).

Не обличается ли, братіе, этими грозными словами Спасителя и наше благочестіе, имѣтъ ли и въ немъ закваски фарисейскѣи, не въ томъ ли и мы поставляемъ свое благочестіе, что соблюдаемъ одиѣ только наружныя формы и мелочи, безъ внутренняго содержанія и силы? (2 Тим. 3, 5). Не все то золото, что блеститъ, да и золото золоту рознь; такъ и въ нашемъ благочестіи, если пристальнѣе приглядѣться къ нему, нельзя не видѣть фальшивости и недостаточности; только эта фальшивость и недостаточность пропеходятъ не столько отъ закоренѣлой злонамѣренности и нарочнаго ханжества древнихъ фарисеевъ, сколько отъ того, что мы мало и то невѣрно понимаемъ благочестіе, и не видимъ въ дѣлѣ вѣры и Церкви ничего, кромѣ обряда и буквы.

Возьмемъ нашъ постъ... Какъ у насъ соблюдаютъ его? Воздерживаются отъ одной скоромной или рыбной пищи и съ такою строгостью, что капля молока, напрімѣръ, попавшая печаянно въ горло матери или няньки, кормящей дитя, считается величайшимъ грѣхомъ, а пьянство, любодѣйство, злоба, ссора, воровство и другія злыя дѣла—это какъ будто не грѣхъ и въ постъ, даже въ великій,—это ничего. Не выходитъ ли поэтому, что такіе постники ко-

мара оцъживаютъ, а верблюда поглощаютъ, т. е. за пустяками гоняются, а сущностью дѣла пренебрегаютъ?

Или посмотримъ на нашу молитву... Какъ она совершается нами? Возжигаемъ мы предъ иконами свѣчи или масло, куримъ ладономъ, подстилаемъ подручники для земныхъ поклоновъ, безпрестанно и небрежно осѣняемъ себя крестнымъ знаменіемъ при извѣстномъ перстосложеніи, кладемъ много поклоновъ, перебираемъ четки, или, какъ вы называете, лѣстовку, шепчемъ про себя и безъ всякаго смысла каѳизмы, каноны и вообще строго соблюдаемъ одни наружные знаки, въ которыхъ должна только выражаться, а не состоять молитва. А нѣтъ у насъ того, чтобы, молясь или собираясь молиться, засвѣтить и затеплить прежде всего въ душахъ-то нашихъ угасшій свѣтильникъ любви и благоговѣнія къ Богу, чтобы вознести къ престолу Божию, яко кадило благовоиное, умы и сердца наши, такъ чтобы *уста говорили только отъ избытка сердца*, чтобы грѣшная грудь воздыхала и стопы выходили изъ глубины души, чтобы глаза проливали источники слезъ,—всего этого у насъ невидать, а между тѣмъ въ этомъ-то и состоитъ истинная и богоугодная молитва. Опять выходитъ, что *комаровъ мы оцъживаемъ, а верблюдовъ поглощаемъ* и почитаемъ себя молитвенниками.

А какая у васъ чистоплотность и повидимому благоговѣніе къ нѣкоторымъ предметамъ? Не обмывши, напрымѣрь, рукъ, по крайнѣй мѣрѣ не обдувши ихъ, вы не сядете за столъ, не возмстесь за хлѣбъ, за свѣчу, за ладанъ, икону, не перекреститесь, и осуждаете тѣхъ, которые дѣлаютъ это неумытыми руками. Дѣлая такъ, вы поступаете какъ древніе фарисеи, укорявшіе І. Христа за то, что апостолы и ученики Его брались за хлѣбъ неомовенными руками (Матѣ. 15, 2). Соблюдая чистоту рукъ и всего тѣла и питая благоговѣніе къ вещамъ, стоящимъ того, не

больше ли мы должны заботиться о чистотѣ духовной, о безукоризненности совѣсти, поступковъ, рѣчей, мыслей, чувствъ и желаній, о ежегодномъ хожденіи на исповѣдь и ко св. причастію? Между тѣмъ этого-то, главнаго у насъ и не бываетъ. И выходитъ опять, что мы, какъ фарисеи, *очищаемъ только внѣшность чашъ и блюда, между тѣмъ какъ внутри онѣ полны жижицы и неправды.*

Что сказать о нашей благотворительности для нищей братіи? И тутъ многіе жертвуютъ не отъ чистаго сердца и не такъ, чтобы, по Писанію, *левая рука не знала, что дѣлаетъ правая*, чтобы *милостыня была тайная* (Матѳ. 6, 3), а просто для того только, чтобы *не прослыть* въ народѣ скупыми и жестокосердыми, напротивъ, чтобы показать себя людьми добрыми, милосердыми, кормильцами. И какъ мы большею частію творимъ свою милостыню? Случайно подаемъ нѣсколько кусковъ черстваго хлѣба или конфектъ, и это иногда отъ полныхъ всякаго хлѣба житищъ и отъ цѣлыхъ тысячъ. А что бы намъ поучиться больше *давать*, по Апостолу, *нежели принимать*? Что бы благотворить не однимъ скуднымъ подаваніемъ куска или конфѣйки, но и трудомъ своимъ, умомъ, опытностію, образованіемъ, совѣтомъ, вліяніемъ, или постояннымъ обезпеченіемъ вдовицъ, больныхъ, престарѣлыхъ, безродныхъ? Что бы благотворительность свою простирать на удовлетвореніе не однихъ житейскихъ, но и духовныхъ потребностей, напримѣръ, на народное образованіе, на искорененіе пьянства, раскола, суевѣрій, язычества? Этого у насъ и не водится. И невольно прилагаетъ къ себѣ слова Спасителя: *горе вамъ фарисеи, лицемеры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру.*

И созидаемъ ли мы и украшаемъ храмы Божіи, приобретаемъ ли иконы, ризы на иконы, облаченія, колокола,

сосуды, золотимъ ли иконостасы, кресты и главы на храмахъ,—все это пожертвованія дорогія въ очахъ Божіихъ только тогда, когда въ насъ самихъ, въ сердцахъ нашихъ есть обновленные и благохѣпные храмы Божіи. *Всесыиій*, по слову Писанія, *живетъ не въ рукотворенныхъ храмахъ* (Дѣян. 7, 48. 2 Кор. 6, 16). Мы сами должны быть храмами для Него. Поэтому много ли пользы, если, при *блещаніи злата* на иконостасѣ, на главахъ и крестахъ церковныхъ, не будетъ блещѣть огнемъ любви и свѣтитъ свѣтомъ вѣры и добрыхъ дѣлъ жизнь наша? Много ли пользы отъ благовоилаго куренія ладону, хотя бы даже роснова, приносимаго къ алтарю и воскуряемаго дома предъ иконами, когда это благовоиіе заглушается смрадомъ нашихъ страстей и похотей? Много ли пользы отъ пожертвованія колоколовъ и отъ колокольнаго звона, если жертвователь глухъ къ воплямъ и стонамъ страждущаго человѣчества, раздающимся повсюду, если онъ любитъ, чтобы молва и слава о его пожертвованіяхъ распространялась въ народѣ также, какъ раздается по окрестности звонъ колокольный? Много ли пользы отъ возженія предъ иконами свѣчей, хотя бы пудовыхъ, разливающихъ свѣтъ по всему храму, когда въ душевномъ, то храмѣ тьма и мракъ непроглядный? Такъ недаромъ обличалъ Христосъ фарисеевъ и за то, что стояло бы, кажется, похвалы и одобренія, именно за *устройство гробницъ пророкамъ и украшеніе памятниковъ праведникамъ!*

Итакъ, братіе, *блюдитесь отъ закваски фарисейской, которая есть лицемеріе* (Лук. 12, 1). Старайтесь быть искренними и разумными въ дѣлахъ вѣры и благочестія: не довольствуйтесь однимъ наружнымъ выполненіемъ ихъ и не поставляйте въ томъ особенно важной и существенной заслуги предъ Богомъ. Онъ, какъ Сердцевѣдецъ, судитъ не по наружности и принимаетъ наши жертвы и приношенія, въ свѣчахъ, ладанѣ, иконахъ, ризахъ, лампа-

дахъ и проч., нисколько не нуждаясь въ томъ (Дѣян. 17, 25),—принимаетъ только какъ выраженіе сердечнаго нашего служенія Ему. *Что Мы множество жертвъ вашихъ*, говоритъ Онъ чрезъ пророка (Исаи 1, 11). *Пожрите Мнѣ жертву правды* (Пс. 4, 6). *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 12, 7). Такимъ образомъ, поставляя свѣчи и воскуряя ладанъ предъ иконами, постараемся сами, какъ свѣчи и лампы, горѣть, свѣтити огнемъ любви къ Богу и ближнему; постараемся сами быть *благоуханіемъ* (2 Кор. 2, 15) для Него и живыми образами и подобіями Его святости, восстанавливая въ себѣ омраченное грѣхопаденіемъ богоподобіе, по которому мы сотворены. А создавъ храмы и алтари вещественные, будемъ и сами, какъ живые камни, по Апостолу, *устроить изъ себя храмъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу, Иисусомъ Христомъ* (1 Петр. 2, 5). Аминь.

Свящ. *Теодоръ Богородскій.*

ДОЛЖНОСТЬ ПСАЛОМЩИКА ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Въ настоящее время, въ нашей русской православной церкви, лица, готовящіеся къ священству, по окончаніи продолжительнаго приготовленія въ семинаріи, должны занимать болѣе или менѣе продолжительное время низшую церковнослужительскую должность, должность псаломщика, которая по своимъ существеннымъ обязанностямъ—чтенію и пѣнію при богослуженіи—замѣняетъ прежнюю должность дьячка. Хотя названіе и новое, и кругъ обязанностей псаломщика нѣсколько иной, чѣмъ прежняго дьячка, ибо на него возлагается обязанность писмоводства по церкви; но все

такъ онъ и по своему мѣсту въ ряду служителей церкви и по общественному взгляду на него, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, есть тотъ же дьячокъ. Положеніе окончившаго курсъ семинаріи, вслѣдствіе этого, представляется, съ перваго взгляда, неутѣшительнымъ и даже прискорбнымъ. Не говоря уже о томъ, что матеріальныя средства, соединенныя съ этою должностію, при настоящемъ положеніи духовенства, скудны, сама по себѣ эта должность, по взгляду общественному, должность низкая. Дьячекъ или, какъ теперь будутъ называть его, псаломщикъ вовсе не раздѣляетъ того уваженія, какимъ пользуется священнослужитель въ народѣ, особенно въ кругу людей, считающихся образованными. На дьячка обыкновенно смотрятъ какъ на слугу безотвѣтнаго предъ священникомъ, и не имѣющаго никакихъ правъ предъ лицомъ прихожанъ. Его, особенно внѣ церкви, иногда и при законномъ заявленіи своихъ правъ, считается не важнымъ оскорбить; про него складываются часто анекдоты, выставляющіе его и жалкимъ и смѣшнымъ. Возможно ли поэтому безъ стѣсненія сердечнаго низойти на такую низкую степень людямъ образованнымъ, которые уже, впродолженіи семинарскаго курса, привыкли считать себя несравненно выше дьячковъ и можетъ быть уже раздѣляли общественное къ нимъ презрѣніе? Возможно ли имъ безъ сердечной скорби взяться за это дѣло, когда они готовили себя къ прохожденію важнѣйшаго служенія въ церкви—къ священнодѣйствию, проповѣданію и управленію въ приходѣ, и надѣялись, по окончаніи семинарскаго курса, вступить въ права настоятелей, полныхъ хозяевъ прихода?

Не осуждаемъ этой грусти, какъ весьма естественной человѣческому сердцу, когда разбиваются лучшія ожиданія и надежды, которыя у многихъ, можетъ быть, были единственною отрадою въ семинарской жизни, во многихъ отношеніяхъ неутѣшительной. Но нельзя не осудить, если чело-

вѣкъ, получившій духовное образованіе, предается этой грусти, и не старается преодолѣть ее и въ самомъ своемъ положеніи найти для себя источникъ утѣшенія.

Должность псаломщика, или какъ привыкли ее называть—дьячка, по взгляду окружающей среды низка; но общественное мнѣніе не всегда бываетъ вѣрно. Оно иногда слагается отъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ; часто общество слѣпо держится установившагося мнѣнія, и не даетъ себѣ труда безпристрастно обсудить его. Развѣ не случается, что человѣкъ способный и достойный часто несетъ на себѣ гнетъ установившагося незавиднаго общественного мнѣнія и не имѣетъ силъ свергнуть его? Тоже самое постигло и эту церковнослужительскую должность, которая, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, сдѣлалась приниженою. Не такова она по своему историческому происхожденію и положенію въ древне-христіанскомъ обществѣ и по своему значенію при отправленіи христіанскаго богослуженія. Человѣку образованному слѣдуетъ вдуматься въ это и въ этомъ найти для себя источникъ утѣшенія.

Если обратимъ вниманіе на происхожденіе должности псаломщика и его положенія въ древне-христіанскомъ обществѣ, то увидимъ, что должность эта высока и почтена.

Званія псаломщика, какъ отдѣльной церковной должности при апостолахъ не было. Ни въ »Дѣяніяхъ Апостольскихъ«, ни въ »Посланіяхъ« ихъ нѣтъ намека на эту должность. Ясное доказательство, что эта должность не была апостолами учреждена, какъ должности епископа, пресвитера и діакона. Но главныя обязанности, соединяемыя теперь съ этою должностію, чтеніе и пѣніе при богослуженіи всегда существовали въ Церкви христіанской и составляли одну изъ существенныхъ частей христіанскаго богослуженія. На комъ же лежали обязанности читать и пѣть при богослуженіи?

Предначинали пѣніе при богослуженіи сами предстоятели церкви—апостолы и преемники ихъ епископы и пресвитеры. Тайновидѣцъ въ Апокалипсисѣ изображаетъ торжественное богослуженіе въ пренебесномъ храмѣ, которое совершаетъ Церковь торжествующая. Представляется престолъ, по угламъ престола четыре символическія животныя, а по обѣимъ сторонамъ двадцать четыре старца съ кадильницами въ рукахъ и съ гусями, и за ними неисчислимый сонмъ, состоящій изъ сплѣ небесныхъ и всѣхъ колѣнъ земныхъ. Сначала четыре животныя и двадцать четыре старца представляются поющими славословіе Вѣчному днѣми; во время этого славословія является на престолѣ Агнецъ, и какъ только Онъ явился, четыре животныхъ и двадцать четыре старца падаютъ предъ Нимъ и начинаютъ пѣснь новую во славу Его, и тотчасъ къ нимъ присоединяется хоръ всего сонма (Апок. гл. 4 и 5). Хотя здѣсь изображено богослуженіе Церкви торжествующей, по это изображеніе, по разумѣнію отцевъ православной Церкви и даже по изъясненію протестантскихъ толкователей ¹⁾, указываетъ на то, какъ совершалась божественная литургія во времена апостоловъ. Итакъ, на основаніи этого изображенія, мы можемъ утверждать, что предначинаніе пѣнія въ общественномъ богослуженіи принадлежало собственно предстоятелямъ церкви. Такъ это дѣло продолжалось и чрезъ всѣ времена мученичества, обнимающія собою первые три вѣка. Еще болѣе есть оснований думать, что сами предстоятели церкви въ тѣ времена занимались и чтеніемъ при богослуженіи, потому что чтеніе тогда при богослужебныхъ собраніяхъ тѣсно было связано съ учительствомъ. Апостолы и ихъ пріемники изъясняли

¹⁾ «Историч. обзоръ пѣснопѣвц. и пѣснопѣній греч. церкви». Архіеп. Филарета. Часть I, стр. 10.

слово Божіе, а для сего, очевидно, они должны были читать то, что хотѣли изъяснять. Долгое время сохранявшійся въ церкви обычай сказывать поученія непосредственно за чтеніемъ священнаго писанія ясно свидѣтельствуєтъ, что чтеніе первоначально соединено было въ богослужебныхъ собраніяхъ съ учительствомъ, а слѣдовательно и обязанность читать слово Божіе лежала на самихъ учителяхъ Церкви, каковыми были послѣ апостоловъ епископы, пресвитеры и діаконы. И доселѣ сохраняющійся въ нашей Церкви обычай, по которому важнѣйшія чтенія три богослуженія, въ томъ числѣ чтеніе евангелія, исключительно совершаются священнослужителями—епископами, пресвитерами и діаконами, есть безъ сомнѣнія живой памятникъ того, что первоначально въ церкви священнослужители многое, если не все, читали сами. Впрочемъ нельзя утверждать, чтобы трудъ совершать чтеніе при богослуженіи всегда исключительно лежалъ на однихъ священнослужителяхъ, и чтобы во времена апостольскія и ближайшія къ нимъ никогда не раздѣлялся этотъ трудъ лицами, не принадлежащими къ церковной іерархіи. По большимъ праздникамъ или во дни покаянія требовалось прочитывать при богослуженіи несравненно болѣе, чѣмъ въ обыкновенные дни, и священнослужители, особенно въ тѣхъ церквахъ, гдѣ составъ ихъ былъ не многочисленъ, по необходимости должны были раздѣлять сей трудъ съ лицами, не принадлежащими къ іерархіи. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ Церкви апостольской учительство, одно изъ важнѣйшихъ правъ самихъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, не воспрещалось, за исключеніемъ женщинъ, и другимъ членамъ Церкви,—тѣмъ, которыхъ самъ Духъ Святой призываетъ къ этому. При обильномъ изліаніи сверхъестественныхъ даровъ Духа Святаго въ Церкви апостольской самъ Духъ Святой, раздѣляя дары мудрости, знанія и пророчества вѣрующимъ по своему благоизволенію,

тѣмъ самымъ вызывалъ изъ среды ихъ на череду назиданія юной Церкви нѣкоторыхъ, независимо отъ установившагося преемства власти учительской. Никогда Онъ не воздвигалъ изъ среды народа совершителей или служителей спасительныхъ Таинъ или управителей Церкви безъ рукоположенія законнаго; но призваніе къ учительству чрезъ изліяніе дара мудрости, языковъ и пророчества было въ то время дѣломъ обыкновеннымъ. Апостолъ Павелъ, лично въ продолженіи полутора года устроившій церковь коринѣскую и безъ сомнѣнія самъ рукоположившій ей священнослужителей, просилъ однакоже вѣрныхъ, чтобъ они ревновали о дарахъ духовныхъ, особенно о дарѣ пророчества къ назиданію, увѣщанію и утѣшенію Церкви (1 Коринѣ. 14, 1. 3. 4); и выражалъ желаніе, чтобы и всѣ вѣрные говорили языками и пророчествовали для общаго назиданія (ст. 5). Если же такъ много было лицъ, способныхъ къ учительству, сверхъестественно просвѣщенныхъ самымъ Духомъ Святымъ; то конечно священнослужители во всякое время имѣли возможность изъ среды ихъ призывать себѣ на помощь при церковномъ чтеніи, когда требовала того необходимость, когда сами они не въ силахъ были прочесть всего, что нужно было для назиданія вѣрныхъ. Да и въ чемъ первѣе всего могли имѣть приложение въ общественномъ богослужебномъ собраніи обильныя въ то время дары языковъ и сказанія языковъ, какъ не въ чтеніи и переложеніи на языкъ понятный слова Божія, которое въ то время извѣстно было только на двухъ языкахъ—еврейскомъ и греческомъ! Долгое время сохранявшійся въ Александріи и вообще въ египетскихъ церквахъ обычай избирать для каждаго богослуженія изъ среды способныхъ къ тому вѣрующихъ, по личному усмотрѣнію епископовъ, обычай сохранявшійся тогда, когда прекратилось уже обиліе сверхъестественныхъ даровъ въ Церкви, оправдываетъ это предположеніе. А еще болѣе оно оправдывается

сохранившеюся въ »Постановленіяхъ Апостольскихъ« молитвою при поставленіи въ должность чтеца. Въ этой молитвѣ испрашивается у Господа даръ пророчества поставляемому. Видно, что молитва эта явилась тогда, когда рѣдки стали въ Церкви лица, обладавшія сверхъестественными дарами, и Церковь находила нужнымъ для восполненія этого оскудѣнія обращаться къ Духу Святому съ особенной молитвой. Итакъ, надѣемся, изъ всего сказаннаго можно заключить, что во времена апостольскія и ближайшія къ нимъ исполняли должность чтецовъ или сами священнослужители или же люди богопросвѣщенные и обліемъ на нихъ изливавшихся даровъ Святаго Духа поставленные въ Церкви выше другихъ.

Къ концу 2-го вѣка эта должность является въ Церкви постоянною, какъ видно изъ словъ Тертуліана ¹⁾, который о должности чтеца упоминаетъ какъ обыкновенной, на ряду съ должностями священника и діакона. Исторія не сохранила ясныхъ указаній на то, когда и кѣмъ учреждена въ первый разъ эта должность; но безъ сомнѣнія она явилась одновременно во многихъ церквахъ. Съ одной стороны усложнившійся богослужебный чинъ, а съ другой оскудѣніе сверхъестественнаго дара языковъ были для епископовъ настоящимъ побужденіемъ къ тому, чтобы учредить постоянную должность чтецовъ и пѣвцовъ. Но какъ первоначально должность эту исполняли сами апостолы, ихъ преемники и выше просвѣщенные лица; то въ Церкви утвердилось глубокое уваженіе къ ней и для прохожденія ея избиралось съ большою разборчивостію лица и часто изъ самыхъ почтенныхъ въ Церкви. Какія же лица считались въ древне-христіанской Церкви самыми почтенными? Въ Церкви Христовой, сущей не отъ міра сего, самыми почтенными лицами

¹⁾ Tertull. de praescript. c. XLII.

были аскеты и по преимуществу исповѣдники, т. е. такіе люди, которые страданіями за имя Христова засвидѣтельствовали твердость своей вѣры и которые большею частию выходили изъ аскетовъ. Ихъ блистательными стлчїями, по словамъ св. Кипріана, были язвы и рубцы отъ нанесенныхъ ударовъ, которые на *славномъ тѣлѣ* ихъ сіяли, какъ свѣтлые знаки ¹⁾. И эти-то достоуважаемые лица часто были избираемы въ должность чтецовъ. »Тому, говорить св. Кипріанъ, чей голосъ со славою исповѣдалъ Господа, наиболѣе прилично возглашать божественное чтеніе при торжественномъ богослуженіи; послѣ возвышенныхъ словъ, превозвѣстившихъ мученичество за Христа, читать Христово евангеліе, которое производитъ мучениковъ; послѣ позорнаго столба подойти къ аналою: тамъ съ удивленіемъ быть выслушану стоящимъ вокругъ народомъ, здѣсь съ радостію быть слышиму братствомъ.... Господь для того и оставлялъ, продолжалъ св. Кипріанъ, въ живыхъ добрыхъ своихъ исповѣдниковъ и славныхъ мучениковъ, чтобы они, торжественно исповѣдавшіе Христа, украсили клиръ Христовъ служеніемъ Церкви ²⁾. И что должна дѣлать по отношенію къ нимъ Церковь, какъ не возводить ихъ на амвонъ, т. е. на церковное судилище, чтобы поставленные на возвышенномъ мѣстѣ и при такомъ своемъ почетѣ видимые всему народу, они читали заповѣди и евангеліе Господа, которому такъ твердо и неуклонно слѣдуетъ, чтобы голосъ исповѣдавшій Господа ежедневно слышался въ глаголахъ Господнихъ» ³⁾. Въ письмахъ Кипріана въ клиру и народу упоминается о двухъ знаменитыхъ исповѣдникахъ—Аврелій и Целерій, которыхъ онъ самъ возвелъ въ должность чтецовъ. Кромѣ исповѣдниковъ, въ должность чте-

¹⁾ Паст. жизнь по возрѣн. всел. церкви, стр. 82. ²⁾ Тамъ же, стр. 80. 81. ³⁾ Паст. жизнь по возрѣн. всел. церкви, стр. 83.

цовъ въ тѣ времена возводились люди, отличавшіеся въ Церкви аскетическимъ характеромъ, особенными умственными способностями и духовнымъ образованіемъ. Доказательствомъ сему служить то, что имъ, кромѣ обязанности читать при общественныхъ богослуженіяхъ, поручалась должность катихизаторовъ, обязанность коихъ состояла въ томъ, чтобы преподавать начатки христіанскаго ученія готовящимся къ крещенію. Оглашеніе въ церкви производилось публично; оно тѣсно связано было съ литургіею оглашенныхъ и здѣсь совершалось самими епископами и иногда пресвитерами. Но кромѣ того было въ церкви оглашеніе домашнее. Готовящіеся къ крещенію наставляемы были еще по домамъ или при храмѣ—въ часы свободные отъ богослуженія. Въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ катихизаторами были чтецы, которые или ходили по домамъ подобно діаконовымъ, посылаемымъ для наставленія женщинъ, или учили готовящихся къ крещенію въ огласительныхъ школахъ. Св. Епифанъ одного изъ чтецовъ кароагенской церкви, по имени Оптата, называетъ учителемъ слушающихъ, т. е. второй степени оглашенныхъ ¹⁾. А въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» катихизаторы, или, какъ метафорически называли ихъ, *навтѣлоги*, по причинѣ сравненія Церкви Христовой съ плавающимъ кораблемъ, признаются за одно съ чиномъ чтецовъ и низшихъ служителей церкви ²⁾. Поэтому-то въ древнѣйшей молитвѣ, употреблявшейся при посвященіи въ должность чтеца и сохранившейся въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ» ³⁾ испрашивается поставляемому особенное умудреніе свыше и испосланіе *духа пророческаго*, т. е. учительскаго,—и сравнивается онъ съ Ездροю, который былъ не простымъ чтецомъ закона и пророкомъ предъ на-

¹⁾ Сург. Ер. XXIV. XXIX. ²⁾ Binghami Antiqu. Eccles. Vol. II. lib. III, cap. X. p. 54. ³⁾ Кн. VIII. чл. 22.

родомъ, но истолкователемъ писаній и наставникомъ народа. Иногда этимъ чтецамъ-катихизаторамъ ввѣрялось даже завѣдываніе огласительными школами при церквахъ, что собственно было дѣломъ епископовъ и пресвитеровъ; такъ Оригену, когда онъ еще не былъ пресвитеромъ, а только числился въ клирѣ александрійскомъ, отъ епископа Димитрія поручено было завѣдываніе александрійскимъ огласительнымъ училищемъ. Притомъ должность чтецовъ была должностію переходною въ Церкви, прохожденіе которой служило приготовленіемъ къ высшимъ степенямъ церковнымъ, какъ ясно говорится объ этомъ въ молитвѣ, сохранившейся въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ», въ которой Церковь проситъ Бога, чтобы поставляемый во чтеца достойнымъ явился *оцнѣн* степенн. Поэтому на чтецовъ смотрѣли какъ на кандидатовъ священства и иногда нѣкоторымъ изъ нихъ назначалось содержаніе равное съ пресвитерами. Кирианъ, поставивъ въ чтецы двухъ исповѣдниковъ—Аврелія и Целерина, прямо говоритъ, что они только на время сдѣланы чтецами: «мы уже предназначили имъ пресвитерское достоинство и потому они должны быть почтены одинаково съ пресвитерами пресвитерскимъ жалованьемъ и при ежемѣсячномъ раздѣлѣ получать части въ равномъ съ ними количествѣ, какъ имѣющіе съ достиженіемъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ возсѣдать вмѣстѣ съ нами»¹⁾.

Послѣ времени мученичества, обязанность чтецовъ усложнилась; кромѣ чтенія они должны были пѣть при богослуженіи, такъ какъ общественное пѣніе было выведено изъ употребленія. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно при большихъ каѳедрахъ епископскихъ, и были особые лица, составлявшіе чинъ пѣвцовъ, но повсемѣстно въ церкви обя-

¹⁾ Пастырская жизнь по воззрѣніямъ вселенской церкви, стр. 84.

занность пѣть при богослуженіи соединилась съ должностію чтеца. По крайней мѣрѣ изъ 23 правила лаодикійскаго собора можно видѣть, что чтецы и пѣвцы имѣли совершенно одинаковое значеніе въ Церкви. И когда Церковь Христова умиротворилась, когда не стало въ ней такихъ почтенныхъ особъ, какъ исповѣдники, а лица, выдававшіяся своими аскетическими подвигами, удалились въ пустыню; и тогда не измѣнилось въ христіанахъ высокое понятіе о должности чтеца или пѣвца и поставленіе въ нее совершалось съ строгою разборчивостію. Лица знатныя, принадлежавшія даже къ царской фамиліи, за честь считали проходить должность чтеца или пѣвца и удостоивались ей или за свое благочестіе или за высокое образованіе. По свидѣтельству св. Григорія Назіанзина и церковныхъ историковъ Сократа и Созомена, Галль и Юліанъ, принадлежавшіе къ фамиліи Константина Великаго, тщательно воспитанные подъ руководствомъ и свѣтскихъ и духовныхъ учителей, поставлены были чтецами или пѣвцами въ никомидійской церкви ¹⁾. Рассказывая объ этомъ фактѣ, упомянутые писатели смотрятъ на него, какъ на доказательство особаго почета, оказаннаго Церковію этимъ двумъ лицамъ, котораго къ прискорбію ся Юліанъ не оправдалъ. Если въ обществѣ являлось какое нибудь лице, выдававшееся своими нравственными достоинствами и возбуждавшее къ себѣ уваженіе, то общество ничѣмъ лучше не находило почтить его, какъ причисленіемъ къ низшему церковному клиру, который главнымъ образомъ состоялъ изъ чтецовъ и пѣвцовъ. Когда добродѣтельная жизнь Макарія египетскаго, его благочестивыя, мудрыя наставленія обратили на него общее вниманіе, жители одного близъ лежащаго селенія единогласно пожелали причислить его къ низшему церковному клиру. И,

¹⁾ Bingham. Vol. II. lib. III. c. V.

когда Макарій египетскій отказывался отъ сего званія, считая себя, по своему смиренію, недостойнымъ его, — народъ, противъ его воли, сдѣлалъ его у себя клирикомъ ¹⁾). Въ самой средѣ отшельниковъ, которые высоко стояли въ глазахъ всего христіанскаго общества, клирики т. е. не служители только алтаря, но простые служители церкви — чтецы и пѣвцы пользовались большимъ уваженіемъ, и, если кто нибудь изъ нихъ заходилъ въ обитель иноческую, его встрѣчали съ большимъ почетомъ и предоставляли ему честь начинать молитвы во время обычнаго иноческаго богослуженія ²⁾). Въ обителяхъ горы нитрійской было даже постановленіе отцевъ съ такимъ почетомъ относиться ко всѣмъ служителямъ церкви, даже низшимъ — чтецамъ и пѣвцамъ. Яснымъ доказательствомъ высокаго общественнаго мнѣнія о должности чтеца и пѣвца служить то, что люди не только низшихъ и среднихъ, но и высшихъ сословій еще до рожденія посвящали своихъ дѣтей на служеніе Богу съ тѣмъ, чтобы они юность свою провели въ должности чтецовъ или пѣвцовъ. Вслѣдствіе этого въ IV, V и VI вѣкахъ — чтецы или пѣвцы при многихъ церквахъ бывали изъ юношей самаго ранняго возраста. Викторъ утискскій епископъ свидѣтельствуетъ, что когда вандалы сдѣлали нападенье на Африку, то они жестоко истребляли мечомъ и голодомъ клириковъ, между которыми были многіе моложе десятилѣтнаго возраста ³⁾). Церковная исторія свидѣтельствуетъ, что и въ другихъ мѣстахъ въ тѣ времена въ должность чтецовъ вступали почти въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ св. Епифаній на восьмомъ году былъ поставленъ чтецомъ, Цезарій арелатскій на седмомъ году, Феликсъ, по свидѣтельству Павлина епископа нольскаго, съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ чтецомъ ⁴⁾). Въ слѣдствіе сего эта въ

¹⁾ Исторія православнаго монашества на востокѣ. Часть 2. стр. 55. ²⁾ Тамъ же, стр. 14. ³⁾ Бингема, томъ II. *Regiu Eccles. Lib. III. Cap. V.* стр. 35. ⁴⁾ Тамъ же.

древности весьма почетная должность, занимаемая людьми столь молодого возраста, мало по малу стала утрачивать свое высокое достоинство и значеніе, тѣмъ болѣе, что при такомъ возрастѣ чтецы не могли быть учителями, какъ бывали прежде. И вѣроятно въ числѣ такихъ, безъ всякаго разбора опредѣленныхъ, чтецовъ нѣкоторые, по недостатку умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, не надѣясь достигнуть высшихъ степеней священства, прибѣгали къ средствамъ унижительнымъ, занеживая всячески любовь и уваженіе народа, который имѣлъ тогда вліяніе на избраніе въ священныя должности, и тѣмъ рождая значеніе клириковъ. Это-то можетъ быть и было причиною того, что кареагенскій соборъ своимъ 23 правиломъ постановилъ, чтобы чтецы, во время богослуженія, не кланялись народу, и тѣмъ самымъ внушали, что чтецы, хотя и молодѣтніе по возрасту, стоятъ въ церкви выше народа и должны быть симъ послѣднимъ уважаемы какъ служители церкви. А императоръ Юстиніанъ счелъ нужнымъ издать указъ для поддержанія авторитета этой должности, чтобы въ чтецы не были поставляемы ранѣе двадцатидвухлѣтняго возраста. Если припомнить многочисленный штатъ клириковъ знаменитыхъ церквей восточныхъ — константинопольской, александрійской, антiохійской и іерусалимской, которые составляли въ этихъ церквахъ высшее духовное ученое сословіе, давшее знаменитыхъ пастырей восточнымъ церквамъ и само много потрудившееся въ борьбѣ съ еретиками, украсившее богослужебный чинъ многими божественными гимнами; то легко представить, какимъ уваженіемъ это сословіе пользовалось въ восточной Церкви — въ древнія времена. Въ житіи св. Романа сладкопѣвца чтецы и пѣвцы софійской церкви константинопольской называются премудрыми книжниками. Изъ того же житія видно, что они, при многочисленныхъ собраніяхъ народа, въ большіе праздники

заявляли свою ученость гимнази, сочиненными ими самими. Память нѣкоторыхъ изъ чтецовъ или пѣвцовъ, даже такихъ, которые не достигли высшихъ степеней священства—Церковь православная доселѣ прославляетъ. Таковы Романъ сладкопѣвецъ—творецъ кондаковъ, Аноимъ и Исмакъ—творцы тропарей, таковъ Осодоръ чтець, оставившій по себѣ четыре книги церковной исторіи, изъ которыхъ двѣ составляютъ извлеченіе прежнихъ историковъ, въ особенности Сократа, Созомена и Осодорита, а послѣднія двѣ суть произведеніе его собственнаго пера, и составляютъ продолженіе трудовъ предшествовавшихъ ему историковъ; таковъ св. Мартіанъ чтець, бывший, вмѣстѣ съ св. Мартиріемъ иподіакономъ, нотаріемъ при патріархѣ, т. е. записчикомъ его учений и дѣяній. О нихъ повѣствуется, что они были великіе слова Божія проповѣдники и Церкви поборники въ самый разгаръ ереси аріанской; имѣли отъ Бога такую премудрость, что имъ не могли противиться самые сильные и ученые защитники ереси. По изгнаніи Павла патріарха изъ Константинополя и по смерти его, при императорѣ Констанціѣ, аріане противъ нихъ устремили всю свою ярость и довели ихъ до мученической кончины. Память ихъ празднуется октября 25 дня ¹⁾. Въ западной церкви Евсеій верцелинскій (въ VI вѣкѣ), а особенно блаженный Августинъ составили изъ клириковъ почтенное сословіе въ церкви, подобное древнимъ аскетамъ, предписавъ имъ правила подвижничества. Подобныя же общества учреждались и по другимъ мѣстамъ западной церкви. Бѣдственное положеніе западной церкви отъ нашествія варварскихъ народовъ не позволяло распространиться этому благому учрежденію. Тѣ же бѣдствія были причиною того, что сословіе клириковъ, время отъ времени, на западѣ надало, такъ

²⁾ Четьи-Мин. окт. 25.

какъ не находилось людей способныхъ, и по образованію и по нравственнымъ достоинствамъ, поддержать древнее значеніе служителей церкви. Въ тѣ времена унадокъ этотъ обнаружился не въ однихъ только низшихъ служителяхъ церкви, но и въ священнослужителяхъ, ибо и для сана пресвитерскаго и діаконскаго не было лицъ достаточно приготовленныхъ. Но мысль о высокомъ значеніи церковнослужителей не истребилась, не смотря на продолжительное бѣдствіе, какое терпѣла западная церковь во время великаго движенія народовъ. Лишь только миновалось это бѣдствіе и пастыри церкви спокойно могли заниматься устроеніемъ дѣлъ церковныхъ, они обратили серьезное вниманіе на состояніе низшаго клира. По примѣру блаженнаго Августина при разныхъ каедряхъ епископскихъ начались составляться общества лицъ, которые упражнялись въ церковномъ чтеніи, пѣніи, и отличались особыми правилами жизни отъ прочихъ. Эти-то лица имѣли прямое назначеніе занимать церковнослужительскія должности съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ достоинства восходить по степенямъ іерархіи. Главнымъ образомъ эту реформу въ духовенствѣ произвелъ Хродегангъ епископъ мецкій въ 712 году, который издалъ для клириковъ своей церкви особенныя правила, заимствованныя изъ монашескаго устава св. Бенедикта. Лица, приготовляемыя къ клиру, а равно и самые клирики, по правиламъ этого епископа, имѣли общее жилище, общій столъ, опредѣленные часы для молитвы и для чтенія священнаго писанія или писаній святоотеческихъ. Эти благоустроенныя общества получили названіе кантуловъ, а духовенство ихъ составлявшее—названіе *канониковъ*. Примѣръ этого епископа скоро нашелъ подражателей въ Франціи, Англіи и германскихъ странахъ. Но до высшей степени совершенства довелъ это учрежденіе Карлъ Великій, прелагавшій большое попеченіе о благочиніи и благообразіи въ дѣлахъ церков-

ныхъ. Съ того времени лица, принадлежавшія къ этому обществу, приобрѣли большое уваженіе въ западной церкви, такъ что въ послѣдствіи самое названіе каноника сдѣлалось титуломъ почетнымъ для духовенства.

(Продолженіе будетъ).

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ СЪ ИХЪ ОБРЯДАМИ.

Въ настоящее время, по распоряженію высшаго духовнаго начальства, при церквахъ ведутся такъ называемыя »Церковныя Лѣтописи«. Намъ случилось просматривать одну изъ такихъ лѣтописей, составленную сельскимъ священникомъ. Между отдѣлами просмотрѣнной нами лѣтописи первое мѣсто, по объему и интересу содержанія, занимаетъ »дневникъ пастыря« или его замѣтки о болѣе важныхъ явленіяхъ изъ мѣстной жизни. »Церковная Лѣтопись« дѣло новое, но въ высшей степени важное и полезное какъ для самихъ пастырей Церкви, ознакомляя ихъ съ бытомъ народа, развивая въ нихъ наблюдательность и вниманіе къ жизни и дѣятельности паствы, такъ и для сличенія отечественной нашей жизни, представляя богатый для сего матеріалъ. Нельзя не сознаться, что свѣденія наши по исторіи нашего народа слишкомъ ограничены. Мы изучаемъ и читаемъ разнаго рода исторіи, въ которыхъ изображается общій ходъ развитія большею частію внѣшней и только отчасти внутренней жизни нашего отечества. Мы можемъ пересказать главные событія изъ нашей исторіи, показать ихъ вліяніе на внутреннюю жизнь, на образованіе, развитіе промышленности, торговли и пр. Но всего этого недостаточно для полнаго знанія жизни нашего народа. Все это болѣе или менѣе общія понятія, сложившіяся на основаніи частныхъ фактовъ. Но этихъ частныхъ—то изъ жизни нашего народа

и недостаетъ современнымъ отечественно-историческимъ нашимъ свѣденіямъ. Мы можемъ отчетливо знать событія внѣшней жизни той ихъ другой губерніи, справившись съ лѣтописями и разными государственными актами, можемъ опредѣлить ихъ этнографическій составъ, время ихъ officialнаго образованія и пр. Но мы крайне бы затруднились отвѣчать на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: чѣмъ изстари занимались жители этихъ губерній? Что они своего внесли въ экономическій и гражданскій бытъ нашего отечества? На что въ хозяйствѣ своемъ они обращаютъ особенное вниманіе и почему? Какой характеръ семейныхъ отношеній у жителей оныхъ? Какой характеръ и направленіе имѣютъ у жителей той или другой губерніи такого рода явленія, какъ напр. расколъ, пьянство, суевѣрія и пр.? Какія мѣстные причины вліяютъ на нихъ, и какъ ихъ устранить? Всѣ эти и имъ подобные вопросы мало разрѣшаются въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ; въ нихъ трактуется нашъ народъ болѣе какъ отвлеченный предметъ; по ихъ сказаніямъ весь народъ заразъ страдаетъ или торжествуетъ, живетъ, словомъ, одною, по ихъ выраженію, русскою жизнію. Но бѣда-то въ томъ, что мы живемъ и встрѣчаемся не съ русскимъ народомъ вообще, а съ тѣмъ или другимъ русскимъ человекомъ—кіевляниномъ напр., москвичомъ, тулякомъ и пр. Ну, а ихъ-то, при изученіи русскаго народа вообще, мы и не замѣтили и не знаемъ. За границею, напр. въ Германіи, давно уже обратили серьезное вниманіе на изученіе исторіи своего отечества въ его частныхъ мѣстностяхъ. Тамъ нерѣдко бываетъ, что какой-нибудь ученый уходитъ въ уголокъ своего отечества, самый отдаленный отъ центровъ общественной и научной жизни, и тамъ поселяется и живетъ до тѣхъ поръ, пока не изучитъ мѣстной жизни въ ея всевозможныхъ памятнигахъ и не усвоитъ себѣ самаго духа и направленія жителей. Плодомъ такого изученія той или

другой мѣстности являются объемистыя сочиненія по исторіи разныхъ округовъ и городовъ; такъ что болѣе или менѣе образованный пѣмецъ знаетъ всю Германію, пожалуй лучше, чѣмъ мы иногда свою деревню или свой городъ. Въ настоящее время подобное направленіе въ изученіи отечественной исторіи начинаетъ обнаруживаться и у насъ, и несомнѣнно, что огромныя услуги этому новому направленію окажутъ именно наши пастыри, если только тщательнo и съ умѣнiемъ поведутъ свои дневники. Самая важная задача при составленіи дневника—это умѣнье выбрать изъ многихъ однородныхъ явленій самое важное и характерное. Но все это возможно при обстоятельномъ знакомствѣ съ тѣмъ отдѣломъ явленій народной жизни, который пастырь избираетъ для особеннаго наблюденія и изученія. Въ дневникѣ, который мы просматривали, особенное вниманіе обращено на народныя праздники съ ихъ обычаями и обрядами. Несомнѣнно, что этотъ предметъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и во всѣхъ дневникахъ сельскихъ пастырей; такъ какъ ни въ чемъ не выражается народная жизнь и фантазія такъ свободно и паглядно, какъ именно въ религіозно-бытовой символикѣ. Здѣсь у него всплываетъ наружу самое заветное, чего онъ и самъ не помнитъ, когда и отъ кого узналъ или перенялъ, и чего въ добавокъ онъ совершенно теперь не понимаетъ. Символика народная, по признанію науки «есть одинъ изъ богатыхъ и достовѣрныхъ источниковъ для изученія народной жизни». Но чтобы съ успѣхомъ пользоваться этимъ источникомъ для изученія мѣстной жизни нашего народа, пастырю Церкви необходимо имѣть общія и обстоятельныя свѣденія о самой исторіи народной религіозно-бытовой символикѣ. Недостаточно для пастыря Церкви подробно записать извѣстный обрядъ или повѣрье; ему нужно знать подлинный смыслъ и то значеніе, какое извѣстный обрядъ имѣлъ въ общемъ міровоззрѣніи нашихъ предковъ

и затѣмъ уже опредѣлить его современное и мѣстное значеніе. Многое, въ доселѣ существующей народной религіозной символикѣ, прямо противорѣчитъ духу христіанской вѣры, и должно быть изгнано изъ употребленія; многое, что прежде терпѣлось по снисхожденію Церкви христовой къ нравственной человѣческой слабости, теперь можетъ быть уничтожено. Пора хотя мало помалу возстановлять истину во всей ея чистотѣ. Въ наше время можно уже начинать очищеніе религіозно-нравственныхъ понятій отъ вѣками нажитыхъ и изъ рода въ родъ переходившихъ предразсудковъ и искаженныхъ преданій. Несомнѣнно, что народъ нашъ со всѣмъ этимъ разстанется, какъ скоро пойметъ несоотвѣтствіе его съ духомъ христіанскимъ. Имѣя въ виду указанія наши современныя потребности пастыря Церкви, мы и рѣшились ознакомить читателей нашего журнала съ общемою исторіею народныхъ праздниковъ съ ихъ обрядами.

Народные праздники, въ общихъ своихъ чертахъ, болѣе или менѣе извѣстны каждому, кто хотя сколько нибудь знакомъ съ бытомъ нашего народа. Достаточно провести въ нашей деревнѣ хотя одно лѣто, чтобы видѣть, какъ народъ въ нѣкоторые дни, часто на ряду съ церковными праздниками, совершаетъ и свои завѣтные празднества, сопровождая ихъ особенными обрядами, основаніе и мысль которыхъ противны духу христіанской вѣры. Мы поставили своею задачею ближайшимъ образомъ ознакомить читателей «Руков. для сельск. паст.» съ полнымъ кругомъ народныхъ праздниковъ и обрядовъ и преимущественно съ ихъ внутреннею стороною—съ ихъ мыслию; но при этомъ считаемъ необходимымъ предварительно объяснить, хотя коротко, самое начало ихъ происхожденія, указать тѣ причины и обстоятельства, которыя сдѣлали ихъ глубоко укоренившимися въ ашемъ народѣ явленіемъ. Это послужитъ для насъ руко-

водящею нитью при объясненіи самыхъ праздниковъ и ихъ обрядовъ.

Крещеніе Руси, какъ извѣстно, совершилось въ 988 году по Р. Хр.; но до этого великаго событія русскій народъ прожилъ самостоятельно не пять и не шесть вѣковъ, какъ обыкновенно объ этомъ думаютъ. Онъ несомнѣнно жилъ въ Европѣ, только подъ разными именами ¹⁾, еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. Въ средѣ его въ первые вѣка по Р. Хр. уже являются общины, селенія и задолго до 9-го вѣка—времени призванія князей, у него были уже богатые города—Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Коростень и др., и онъ велъ торговлю не съ мѣстными только жителями, но и съ иностранцами—греческими и бесерменскими (азіатскими) купцами, біармією (нынѣ пермскій край) и съ финскими племенами, жившими на сѣверѣ нынѣшней Россіи. Совершенно противно общимъ законамъ историческаго развитія предполагать, чтобы цѣлый народъ, въ теченіи многихъ вѣковъ своей самостоятельной жизни, не успѣлъ выработать себѣ началъ общественнаго и религіознаго культа. Правда, русскій народъ не успѣлъ развить этихъ началъ съ тою полнотою и художественностію, какъ греки и римляне; но это произошло не отъ недостатка творческихъ силъ народнаго духа нашихъ предковъ, а отъ мѣстныхъ условій. Бѣдность природы, упорная борьба съ разными препятствіями за самое существованіе оставляли предкамъ нашимъ мало досуга для художественной обработки своихъ міровоззрѣній. Но и при этихъ внѣшнихъ препятствіяхъ они успѣли ко времени принятія христіанства достигнуть значительной степени раз-

¹⁾ До Р. Хр. русскій народъ, какъ отрасль славянскаго племени, жилъ въ Европѣ подъ общимъ для всѣхъ славянъ названіемъ скифовъ и сарматовъ, а въ первые вѣка по Р. Хр. онъ является уже подъ болѣе частнымъ названіемъ—Россъ-алашъ или Россъ-алапъ. См. соч. Юр. Венелица. Болгар. т. 1.

витія въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Къ 988 году Русь была государствомъ съ полнымъ правительствомъ во главѣ; ея религіозный культъ изъ семейнаго дѣлается общественнымъ. Такъ въ Кіевѣ мы видимъ идоловъ: Перуна и Волоса, которымъ торжественно, въ присутствіи всего народа, приносятся жертвы и клятвы. При такомъ состояніи языческаго культа не могло не быть на Руси общественныхъ обрядовъ, молитвъ и праздниковъ. Въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ мы находимъ ясныя указанія, что все это дѣйствительно было у нашихъ предковъ.

При такомъ-то состояніи общественнаго и религіознаго развитія народъ русскій услышалъ слово Евангелія Христова и крестился. Разсказъ нашего лѣтописца, преподобнаго Нестора о крещеніи Руси при Владимірѣ свягомъ объясняетъ, какъ народъ принялъ св. крещеніе. Изъ этого разсказа ясно видно, что инициатива перемѣны вѣры языческой на христіанскую принадлежитъ лично вел. князю Владиміру. Онъ убѣдился въ суетѣ языческой вѣры и въ томъ, что она не можетъ удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ человѣческой природы и общественному благоденствію, и потому открыто и торжественно отрекся отъ суеты язычества и принялъ крещеніе во имя истиннаго Бога. Затѣмъ все дѣло обращенія народа въ христіанство онъ принялъ непосредственно подъ свое покровительство, за что и стяжалъ славное имя равноапостола. Народъ во всемъ безпрекословно слѣдуя примѣру и волѣ своего князя, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, сокрушалъ своихъ идоловъ и принималъ другую вѣру безъ всякаго приготовленія и предварительнаго знакомства съ ней. Главный мотивъ, которымъ руководился народъ въ принятіи новой вѣры, была покорность волѣ великаго князя. Такимъ образомъ принятіе новой вѣры—дѣло по существу своему нравственно-религіозное становилось вмѣстѣ и гражданскимъ; Церковь и госу-

дарство у насъ съ перваго дня своей встрѣчи заключили между собою внутренній и ближайшій союзъ для своего болѣе успѣшнаго развитія и укрѣпленія на Русской почвѣ. Такое отношеніе народа къ новой вѣрѣ не могло искоренить въ его душѣ прежнихъ понятій и вѣрованій. Онъ въ угоду князю, во исполненіе его воли, могъ оставить свою вѣру, испровергнуть идоловъ, прекратить имъ жертвоприношенія и принять новую вѣру съ ея таинствами и обрядами; но чтобы также легко и скоро переродиться внутренно—онъ не могъ. Было бы неестественно, противно законамъ историческаго развитія, чтобы цѣлый народъ вдругъ, и особенно по внѣшнимъ побужденіямъ, могъ оставить вѣками нажитыя вѣрованія, отказаться отъ тѣхъ сердечныхъ убѣжденій, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, какъ священный и драгоценный завѣтъ. И это было для нашего народа тѣмъ болѣе невозможно, что онъ въ новой религіи многого не понималъ. Онъ видѣлъ церковные обряды, и не понимая ихъ надлежащимъ образомъ, въ нихъ полагалъ, какъ и теперь часто полагаетъ, всю сущность новой вѣры. Здѣсь-то начало тѣхъ нравственно-религіозныхъ извращеній, суевѣрій и разныхъ нравственныхъ недостатковъ, слѣды которыхъ не изгладились въ народѣ нашемъ еще и доселѣ.

Не понимая духа новой вѣры, русскій народъ не могъ отдаться ей всей душой, положить ее основнымъ началомъ своего внутренняго и внѣшняго быта. Во всѣхъ отиравленіяхъ обязанностей новой вѣры онъ принималъ внѣшнее, безотчетное участіе, а душа его оставалась подъ властью понятій и образовъ прежняго языческаго культа. При такомъ, чисто-внѣшнемъ отношеніи къ новой вѣрѣ, онъ и не въ силахъ былъ разорвать связей съ прадѣдовскою стариною, которая проникла весь строй его мыслей и чувствованій и все воззрѣнія его на жизнь и природу. Каждый день и каждый часъ его завѣтная старина напоминала ему

о себѣ. Чтобы забыть все прошлое, отрѣшиться отъ прежнихъ вѣрованій, для этого ему необходимо было переродиться, забыть все преданія, забыть всю прежнюю жизнь. А все это было выше его силъ. Но съ другой стороны продолжать жить старымъ порядкомъ, держаться прежняго культа и обрядовъ, и не внимать голосу и требованіямъ новой вѣры—значило открыто возставать противъ воли князя и совершать тяжелое преступленіе. Въ то же время пастыри Церкви, по христіанской ревности въ исполненіи своихъ обязанностей, подкрѣпляемые свѣтскою властію, ревностно возстали противъ всякаго выраженія народной религіозной мысли, несомнѣнно носившей на себѣ печать язычества. Обряды, игры, пѣсни и пляски подверглись сильнымъ порицаніямъ и преслѣдованіямъ, какъ выраженія невѣжества, нравственной распущенности и языческихъ вѣрованій. Что же было дѣлать народу при такихъ обстоятельствахъ? Новаго онъ не понималъ, и самые учителя—пастыри его не въ состояніи были разъяснить ему все, примѣнительно къ его жизни и пониманію, а старого—дорогачего и близкаго его сердцу—безнаказанно нельзя было держаться.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ находились многіе народы другихъ странъ, при ихъ обращеніи въ христіанство. И въ большей части случаевъ послѣднимъ исходомъ изъ такого положенія было возстаніе противъ новой вѣры и ея проповѣдниковъ. И тогда грубая почва языческая обильно обливалась кровію мучениковъ христіанской вѣры, и тѣмъ подготовлялась къ будущему сѣянію на ней евангельскаго слова. Такъ на примѣръ поступили предки жителей нынѣшней Саксоніи во времена Карла Великаго; такъ перѣдко поступали, да и теперь поступаютъ, новообращаемые народы—Азіи, Африки и Америки. Но русскій народъ въ общей своей массѣ не запятналъ своей исторіи подобнымъ, хотя несомнѣтельнымъ, но все-же темнымъ поступкомъ. Благодать

Божія, сообщившаяся народу русскому въ принятыхъ имъ таинствахъ вѣры, сильно воздѣйствовала на его умъ и сердце. Онъ чувствовалъ въ себѣ сильное влеченіе къ новой вѣрѣ, предъугадывалъ ея благодѣтельное вліяніе на весь строй своей жизни, и потому не измѣнилъ священной клятвы, данной во святомъ крещеніи, и слѣдуя голосу Церкви и ея пастырей, крѣпко держался св. вѣры Христовой.

Но для усвоенія внутренняго содержанія вѣры христіанской все-таки требовалась личная самостоятельность каждаго члена новой Церкви, требовалось внутреннее болѣе или менѣе разумное убѣжденіе въ святости ея истинъ. А это достигается, какъ извѣстно, единственнымъ путемъ—услѣхами просвѣщенія, развитіемъ въ народѣ образованія. Этого-то орудія для сознательнаго усвоенія истинъ христіанской вѣры и неоставало тогда нашимъ предкамъ. Просвѣщеніе находилось тогда у насъ въ такомъ состояніи, что его нельзя даже называть и полнымъ зародышемъ; на грамотность и обученіе ей народъ смотрѣлъ тогда съ бѣльшимъ недоверіемъ и страхомъ, чѣмъ въ 18-мъ вѣкѣ на рекрутчину. Между тѣмъ духъ народа, какъ сила живая и всегда дѣятельная, не могъ удовлетворяться въ новой вѣрѣ одною виѣшностію—буквою и обрядами; онъ искалъ въ ней мысли и жизни. Для удовлетворенія этой-то потребности народъ русскій обратился къ своему неистощимому источнику, которымъ онъ жилъ, обратился къ творческой силѣ своего духа, къ плодотворной дѣятельности своей всегда юной фантазіи. И вотъ открылась во внутренней жизни нашего народа эпоха новаго творчества, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ двоевѣрія. Слово Божіе принесло плодъ, проникло въ самую современную часть человѣческаго существа, но не успѣло еще истребить терніевъ. Эта двойственность, этотъ дуализмъ въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ народа со всею силою отразился именно на его праздникахъ и обрядахъ,

которыми онъ сталъ торжествовать событія и воспоминанія изъ жизни христіанской Церкви. Извѣстно, что вмѣстѣ съ христіанской вѣрою церковь наша приняла изъ Греціи ея календарь и святцы. Языкъ ихъ былъ совершенно непонятенъ для нашего народа. Имена святыхъ греческой церкви, которыя теперь сдѣлались обыденными въ нашей рѣчи, тогда были одними звуками, не возбуждавшими въ сознаниі народа никакихъ представленій. Въ такой же мѣрѣ, или даже еще болѣе, для него непонятна была мысль христіанскихъ праздниковъ, совершавшихся въ честь святыхъ или въ воспоминаніе важныхъ священныхъ событій новой вѣры. И вотъ народъ для объясненія и усвоенія себѣ всего этого сталъ пользоваться всеми средствами, какія ему могла дать его фантазія. Онъ обратилъ вниманіе на созвучіе новыхъ именъ святыхъ съ тѣми таинственными и заветными названіями, какими онъ жилъ въ до-христіанское время; сталъ сблизать содержаніе сказаній, особенно апокрифическихъ, появившихся у насъ вмѣстѣ съ церковными книгами, съ содержаніемъ своихъ мифовъ о богахъ, ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ міру видимому и между собою, — наконецъ не упустилъ изъ вида и самого времени, въ которое совершалось празднество того или другаго святаго или событія христіанской Церкви, и тутъ также старался находить сближеніе съ своимъ прежнимъ религіознымъ культамъ. И такимъ образомъ христіанское сталъ объяснять въ духѣ языческихъ воззрѣній и преданій. Плодомъ такой дѣятельности народнаго духа и явились образы святыхъ, повитые плетеною язычества; таковъ напр. народный образъ святителя Николая чудотв., искаженный нѣкоторыми чертами мифическаго богатыря Микулы Селяниновича, образъ Іліи пророка, обезображенный представленіемъ о Перунѣ-Громовникѣ и пр. Все они во всей полнотѣ не выражаютъ собою ни христіанскихъ, ни языческихъ воззрѣній. Это нѣчто среднее между язычествомъ и христіан-

ствомъ, или смѣсь того и другаго, произведенныя творческою силою народнаго духа. Двойственность же воззрѣній по закону необходимости перешла и въ самую внѣшнюю жизнь народа, и выразилась въ характерѣ препровожденія народомъ праздничныхъ дней. Древне-русскій народъ въ праздничный день, послѣ христіанскаго богослуженія, удалялся въ поля, рощи или на берега рѣкъ, и начиналъ отправлять обряды таинственнаго, языческаго характера. Праздничный день, такимъ образомъ, раздѣлялся на двѣ половины—утро посвящалось торжеству христіанскихъ понятій о днѣ, а вечеръ—остатку языческихъ. Такъ было въ древности; такъ это продолжается отчасти и въ настоящее время. И до сихъ поръ древне-религіозныя воззрѣнія и обряды по мѣстамъ еще крѣпко держатся въ массѣ нашего народа. Многое, особенно изъ обрядности, потеряло свой древній смыслъ, низшло на степень простыхъ народныхъ игръ, какъ напримѣръ: горѣлка, святочные игры и пѣсни, игра въ чуръ-чура; многое допущено у насъ и терпится по своему безразличному характеру, не враждебному духу христіанской религіи, какъ напр. колядки, проводы или увеселенія на кладбищахъ, разнообразное употребленіе страстныхъ и пасхальныхъ свѣчей, и пр. Но кромѣ этихъ мелкихъ и, такъ сказать, обыденныхъ обрядовъ, есть еще очень много такихъ, которые прямо и ясно указываютъ на время и источникъ своего нехристіанскаго происхожденія; таковы напр. обряды—на Троицынъ день, въ день Іоанна Крестителя, Юрія-всесенняго и пр. и пр. Таковы были причины появленія и развитія у насъ народныхъ праздниковъ и обрядовъ!

Изученіе всей этой народной символики и самыхъ религіозныхъ воззрѣній народа есть дѣло важное въ научномъ отношеніи. Нигдѣ народъ нашъ не проявляетъ такъ свободно и искренно своей души и національности, какъ именно въ праздничныхъ обрядахъ; здѣсь онъ дѣйствуетъ безъ вся-

кой задней мысли, отдастся весь оживляющему его завѣтному чувству;—онъ въ это время, по русскому выраженію, весь на распашку. Но въ особенности изученіе этой стороны нашего народа дѣло полезное для сельскаго пастыря. По своему призванію сельскій пастырь есть учитель и главный руководитель народа на пути христіанской жизни; на немъ лежитъ нравственная отвѣтственность предъ Богомъ и обществомъ за нравственно-религіозное воспитаніе ввѣренной ему паствы. Для выполнения этого высокаго призванія сельскому пастырю нужно быть хорошо знакомымъ съ духомъ народной жизни, и внимательно слѣдить за всѣми ея проявленіями. Ему всегда нужно быть на стражѣ и въ готовности преподать полезное и разумное слово назиданія. Но нигдѣ не можетъ онъ найти столько затрудненій для себя, какъ при встрѣчѣ съ народной символикой. Она явилась у насъ, какъ мы видѣли, въ эпоху раздвоенія народнаго сознанія между христіанствомъ и язычествомъ и сложилась именно подъ вліяніемъ этого дуализма народныхъ вѣрованій и воззрѣній на жизнь. Поэтому пастырю Церкви нужно прежде всего отчетливо сознавать, что въ ней должно порицать, о чемъ молчать и что поощрять. А для этого ему необходимо со всею строгостію исторической критики объяснять, что въ томъ или другомъ обрядѣ есть христіанскаго, что составляетъ остатки древняго, языческаго народнаго культа, и что наконецъ только терпится Церковію, но совершенно чуждо ея духу и ученію. Совершать этотъ анализъ надъ религіозно-обрядовой стороной жизни нашего народа—дѣло полезное и бесспорно необходимое для пастыря, но въ тоже время трудное. Желаніе помочь сколько нибудь въ этомъ отношеніи пастырю Церкви, раздѣлить съ нимъ трудъ при изученіи одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ народной жизни и составляетъ цѣль нашей статьи.

П. Постыловъ.

(Продолженіе будетъ).

3 листъ къ № 45-му.

НОВЫЯ КНИГИ ВЪ РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Вопросъ о народномъ образованіи у насъ замѣтно идетъ впередъ. Какъ прежде ревнители этого великаго дѣла всю ревность свою ограничивали только толками и горячими спорами о необходимости и пользѣ народнаго образованія, о томъ, кому ввѣрить его—министерству ли народнаго просвѣщенія, или же духовенству; такъ теперь спѣшатъ покончить думу брѣпкую о томъ, гдѣ бы взять поскорѣе хоть какихъ нибудь учителей, пока устроятся желаемыя и проектируемыя учительскія семинаріи, спѣшатъ составлять и предлагать вниманію обучающихся сельское юное населеніе различныя руководства къ начальному обученію, какъ бы такъ говоря юнымъ педагогамъ: »пока что будетъ, учитесь по нашимъ руководствамъ, перенимайте что тамъ есть добраго, учитесь по нашимъ совѣтамъ—и дѣло пойдетъ хорошо«. Какъ прежде мы не опускали случая обращать вниманіе сельскихъ пастырей на подобныя книги, такъ какъ дѣло это всегда было близко ихъ сердцу; такъ и теперь спѣшимъ обратить вниманіе ихъ на три новыя книжки, написанныя въ руководство для сельскихъ учителей и воспитателей. Онѣ, какъ увидимъ, достойны вниманія.

1) *Русская начальная школа—руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ*. Состав. барономъ Н. А. Корфомъ. С.-Петербургъ. 1870 г. ¹⁾.

Не смотря на немалое число разнаго объема и достоинства руководствъ къ начальному обученію для учителей народныхъ школъ, мы положительно можемъ сказать, что доселѣ у насъ не было въ полномъ смыслѣ руководства къ

¹⁾ Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Цѣна 1 р. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга, Кіева, Одессы, Варшавы, Казани и др. городовъ.

этому не легкому дѣлу, что всѣ извѣстныя наши руководства были сшивки изъ разныхъ нѣмецкихъ лоскутковъ, отрѣзанныхъ отъ нѣмецкой педагогики, мало подходящей къ нашей родной. Первая книга, заслуживающая по справедливости названія руководства для учителей сельскихъ школъ—это *Русская начальная школа* барона Н. А. Корфа,—какъ по характеру, значенію и цѣли педагогическаго труда, такъ и по безусловной пригодности его къ дѣлу народнаго обученія и доступности его для сельскихъ учителей.

Баронъ Корфъ истинный педагогъ, не теоретикъ только, но и практикъ. Кромѣ теоретической подготовки къ педагогическому дѣлу онъ, какъ членъ александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта екатеринославской губерніи, въ теченіе трехъ лѣтъ имѣлъ въ непосредственномъ завѣдываніи болѣе 40 училищъ съ 1700 учащимися, и въ это время успѣлъ и сумѣлъ обучить до ста неподготовленныхъ учителей, ежегодно посѣщалъ каждую школу ввѣреннаго ему училищнаго участка не менѣе двухъ разъ, испытывая учениковъ изъ всѣхъ предметовъ школьнаго обученія и облегчая трудъ неподготовленнаго учителя образцовыми уроками въ самой школѣ. Этимъ и объясняется характеръ его труда практико-теоретическій, совершенно не такой, какимъ отличались доселѣ извѣстныя руководства по этому предмету. У него въ рѣшеніи того или другаго вопроса не встрѣтите аподиктическихъ правилъ, въ родѣ того, что слѣдуетъ дѣлать то, а не иное; нѣтъ, онъ предварительной научной подготовкой добытыя правила провѣряетъ на опытѣ и смотря потому, какъ покажетъ онъ, и излагаетъ ихъ, предпославши имъ напередъ свои наблюденія, свои соображенія, и подтвердивши ихъ двумя, тремя примѣрами, фактами, взятыми изъ его живаго личнаго опыта, такъ что правило является живымъ и естественнымъ результатомъ опыта, съ которымъ вы вполне соглашаетесь, тогда какъ въ руковод-

ствахъ на нѣмецкій ладъ, по нѣмецкимъ образцамъ—совѣты и правила высказываются аподиктически, и читая ихъ—невольно задаешься вопросомъ, примѣнимы ли они къ дѣлу, можно ли такъ поступать и т. п.? Г. Корфъ говоритъ только о томъ, что знаетъ положительно и твердо, что онъ провѣрилъ личнымъ опытомъ, а на показаніяхъ разныхъ дидактическихъ руководствъ не основываетъ своихъ положеній, и если что и совѣтуетъ на основаніи чужихъ разсужденій, то съ оговоркою: «рекомендують, пишутъ» и т. п. Такъ по вопросу «объ обученіи нѣмію» онъ откровенно пишетъ: «не имѣя свѣденій въ музыкѣ, я могу ограничиться лишь указаніемъ на фактъ, который не мѣшаетъ принять во вниманіе читателю» (стр. 325). Къ чему было сознаваться автору въ непониманіи музыки и не легче ли было бы для него выписать изъ какой либо нѣмецкой книги цѣлый трактатъ по вопросу о томъ, какъ обучать нѣмію? Очевидно, г. Корфъ—педагогъ не теоретикъ, а практикъ, не по книгамъ составлялъ свое руководство, не вырывалъ безъ разбору лоскутки изъ нѣмецкой педагогики, а составлялъ оное по живому опыту и по личнымъ внимательнымъ наблюденіямъ, и факты бралъ прямо изъ жизни нашей родной школы.

Ставъ на такую твердую почву, авторъ названной книги естественно чувствуетъ себя настоящимъ русскимъ педагогомъ, а не слѣпымъ подражателемъ нѣмцамъ. Онъ, хотя подготовленный къ педагогическому дѣлу научнымъ образомъ и по нѣмецкимъ книгамъ, изучаетъ его на родной русской почвѣ, внимательно и усердно присматривается и умно соображаетъ, какъ оно у насъ должно идти; и потому, приступая къ труду составленія руководства для учителей, задается цѣлію положить начало науки о русскомъ начальномъ обученіи; почему и называетъ свою книгу «Русская начальная школа». Цѣль прекрасная; истинно, пора

намъ подумать о себѣ; не все же жить чужимъ умомъ. Авторъ далекъ отъ мысли, что намъ не должно быть никакого дѣла до науки иностранной, напротивъ онъ ясно высказывается, что наука одна для всего человѣчества и не знаетъ національностей; но въ тоже время сознаетъ, что каждый народъ вноситъ свою лепту въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній, и что русскимъ народомъ самимъ еще почти ничего не сдѣлано по вопросу о начальномъ обученіи. »Нелѣпо было бы, говоритъ онъ, бравшись за дѣло сто лѣтъ позже иностранцевъ, не считать за счастіе возможность ознакомиться съ тѣмъ, что ими сдѣлано до сихъ поръ, не поспѣшить воспользоваться ихъ опытомъ въ дѣлѣ начального обученія. Но, съ другой стороны, наша сельская школа существуетъ при обстановкѣ настолько мало сходной съ тою, при которой трудились нѣмцы, вырабатывая приемы начального обученія, что рѣдко представляется возможность заимствовать у нихъ что либо цѣликомъ, не видоизмѣнивъ его сообразно условіямъ нашего быта, не дѣйствуя слѣдовательно самимъ на поприщѣ начального обученія».

Такою разумною цѣлію опредѣляется и значеніе педагогическаго труда г. Корфа. Онъ не пишетъ правилъ по избитымъ рубрикамъ, не группируетъ ихъ по какой либо строгой системѣ, въ родѣ того напр.: *Общая дидактика*: начало и цѣль обученія; первая задача обученія; общепредметные уроки; прочное основаніе и т. д. *Общая методика народной школы*: ученая задача народной школы, учебные предметы ея; метода преподаванія; виѣшній ходъ преподаванія и т. д. ¹⁾, а предлагаетъ рѣшеніе животрепе-

¹⁾ См.: »Очеркъ практической педагогики«. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Сочин. доктора Ф. Диттеса въ переводѣ съ нѣмецкаго подъ редакцію І. Паульсона.

ствующихъ вопросовъ въ дѣлѣ обученія именно русскаго народа и притомъ такихъ вопросовъ, которыхъ не касалась никогда наша педагогическая литература; напр. въ первой главѣ о томъ, что нужно для того, чтобы состоялась толковая школа въ селѣ, онъ разбираетъ и рѣшаетъ такіе вопросы, какъ напр. можно ли по сельскимъ начальникамъ составлять себѣ понятіе объ отношеніи къ школѣ избравшихъ ихъ крестьянъ, примѣнима ли обязательность обученія грамотѣ въ настоящее время, кому должно быть предоставлено право опредѣлять сельскаго учителя, нуженъ ли попечитель для сельской школы и какой—грамотный или же неграмотный, въ какомъ слѣдствіи общества искать учителей и какъ опредѣлить наименьшую норму знаній для народнаго учителя, и т. п. Въ главѣ »объ обстоятельствахъ, обуславливающихъ успѣхи обученія въ сельской школѣ«, онъ рассматриваетъ и рѣшаетъ такіе вопросы, какъ напр. не отложить ли устройство школъ до тѣхъ поръ, пока народъ русскій станетъ богаче, отчего зависитъ успѣхъ дѣтей въ германскихъ школахъ при множествѣ классовъ порученныхъ одному учителю (при этомъ идетъ сравненіе русской школы съ германскою), откуда у сельскихъ школьниковъ стремленіе зубрить и долбить, и т. п. Въ главѣ »объ обученіи« г. Корфъ касается такихъ предметовъ, о которыхъ доселѣ не было рѣчи, какъ напр. о пристрастіи крестьянъ къ чтенію славянской печати, о средствахъ разнообразить занятіе неграмотныхъ дѣтей во время обученія ихъ грамотѣ, о томъ, какъ найти всѣмъ ученикамъ, еще цифръ не знающимъ, страницу книги, указываемую учителемъ, съ возможно меньшею потерей времени, о непониманіи большинствомъ законоучителей и составителей учебниковъ по закону Божію того, что преподаваніе закона Божія должно начинаться основнымъ законамъ обученія, и т. п.

Такая постановка дѣла, такое живое и искреннее отно-

шеніе къ нему, такое пониманіе интересовъ начальнаго обученія именно русскаго народа и рѣшеніе вопросовъ педагогиче русской, дѣлають книгу г. Корфа безусловно пригодною къ дѣлу обученія русскаго народа. И кто только имѣетъ какое либо отношеніе къ этому дѣлу, кто призванъ слѣдить за преподаваніемъ въ школахъ, состояніемъ и направленіемъ ея, — т. е. всѣ попечители школъ, земскіе гласные, члены училищныхъ совѣтовъ, священники и инспекторы народныхъ училищъ, съ большою для себя пользою прочтутъ эту книгу, и каждый, что ему нужно по его части, что составляетъ его обязанность и что отъ него зависитъ для успѣха дѣла, найдетъ здѣсь полезный для себя совѣтъ, обстоятельное и дѣльное руководство. Думаетъ ли общество построить школу, оно найдетъ здѣсь въ руководство для себя примѣрный расчетъ размѣровъ постройки по числу учениковъ, и въ приложеніи къ книгѣ самый фасадъ и планъ начальной трехклассной школы на 75 человѣкъ, указаніе какъ слѣдуетъ устроить школьныя скамьи, благопріятствующія здоровью дѣтей и успѣхамъ обученія и, также въ приложеніи, рисунокъ школьной скамьи и перечень всѣхъ необходимыхъ принадлежностей классной комнаты. Приходитъ время открывать школу; лицѣ, заведывающему этимъ дѣломъ, найдетъ здѣсь въ руководство для себя проектъ приговора сельскаго общества объ открытіи школы, въ которомъ указано все, чего нужно коснуться, чтобы предупредить недоразумѣнія, облечить плательщиковъ, обезпечить сельское общество и учителя и поставить дѣло начальнаго обученія на прочномъ основаніи, проектъ условія съ учителемъ, перечисленіе учебныхъ пособій, необходимыхъ школахъ съ указаніемъ размѣровъ ежегодной затраты на книги, даже способъ приготовленія дешевыхъ чернилъ, указанія гдѣ достать дешевыя чернильницы, какъ снабдить школу дешевою бумагою, и какъ собрать учениковъ. Школа

открыта, ученики и учитель есть, всё необходимые учебныя пособія также; распорядитель школы, наблюдатель ея, каждый найдетъ въ разсматриваемой нами книгѣ указаніе, какъ дать ходъ, строй и направленіе школѣ, найдетъ учебную программу сельской школы, не списанную у иностранныхъ педагоговъ, не сшитую по чужой мѣркѣ, а такую, при составленіи которой приняты авторомъ во вниманіе вліяніе семьи на сельскихъ школьниковъ, возможность поступленія ихъ въ училище и исправность посѣщенія ими школы, число лѣтъ обученія и протѣкающее отъ того дѣленіе школы на классы, продолжительность каждаго учебнаго года и педагогическія силы большинства нашихъ сельскихъ учителей; найдетъ здѣсь восемь росписаній учебныхъ запятій для двухклассныхъ школъ и три такихъ росписанія для трехклассныхъ школъ, перечень всѣхъ учебныхъ предметовъ, разновременно преподаваемыхъ въ начальной школѣ, формы вѣдомостей объ училищахъ и успѣхахъ учениковъ и цѣлый рядъ дѣльныхъ практическихъ совѣтовъ относительно наблюденія за преподаваніемъ, съ отчетливымъ указаніемъ средствъ, которыми наблюдатель можетъ вліять на ходъ обученія, какъ-то: экзамена на должность учителя, осеннихъ и весеннихъ посѣщеній школы, приѣмовъ экзаменатора при испытаніи учениковъ, составленія имъ вѣдомостей и дневника, сближенія съ родителями учащихся и т. д. И такъ ясно, что г. Корфъ предлагаетъ совѣты относительно вообще всего веденія школьнаго дѣла и того, какъ построить удобное, удовлетворяющее всѣмъ педагогическимъ требованіямъ, помѣщеніе для школы, и того, какъ завести въ ней правильный учебный порядокъ, какими заставить учебными принадлежностями и пособіями, и того, какъ наблюдать за преподаваніемъ въ школѣ и за всѣмъ учебнымъ строемъ ея.

Но главнымъ образомъ въ книгѣ г. Корфа найдетъ незамѣнимое руководство для себя нашъ сельскій учитель,

горечь и тяготу труда котораго уменьшить и облегчить имѣеть задачею разсматриваемая книга. Въ ней онъ найдетъ добрые и полезныя совѣты о школьной дисциплинѣ и порядкѣ классныхъ занятій, и въ частности-легко исполнимое на дѣлѣ указаніе, какъ примѣнить къ сельской школѣ и крестьянскимъ дѣтямъ такую школьную дисциплину, которая вызываетъ въ ученикахъ привязанность къ учителю, какъ совмѣститъ ласку учителя и веселость учащихся съ порядкомъ въ школѣ, и т. п.; найдетъ подробное, обстоятельное изложеніе способовъ обученія, съ указаніемъ порядка, приемовъ его и съ разумнымъ вполне удовлетворительнымъ рѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ педагогической практикѣ сельскаго учителя, всестороннимъ обсужденіемъ разныхъ недоумѣній его, и т. п., и, что всего важнѣе, найдетъ въ ней въ руководство для себя и упражненія для звуковой диктовки и для воскреснаго обученія грамотѣ, и образцы предложеній для диктовки ученикамъ 2 и 3-го классовъ, и бесѣды учителя и образцы письменныхъ упражненій учениковъ, и темы для сочиненій въ начальныхъ и воскресныхъ школахъ,—словомъ, найдетъ не только правило, совѣтъ, какъ что сдѣлать, но и самое выполненіе ихъ, самое дѣло, найдетъ истинное облегченіе своего нелегкаго, кропотливаго труда, утѣшеніе и поддержку въ немъ. И все это дорогое добро дается и учредителямъ и наблюдателямъ школъ и учителямъ въ такой доступной, простой и ясной рѣчи, лучше которой едва ли можетъ представить какая либо другая книга изъ нашей педагогической и вообще народнои литературы.

Но чтобы наше сочувствіе къ труду г. Корфа, наше одобреніе не были голословными, чтобы читатель самъ могъ видѣть, какой интересъ имѣеть разбираемая нами книга, какъ искренно и честно, правдиво и разумно относится авторъ ея къ самымъ щекотливымъ и запутаннымъ вопро-

самъ въ дѣлѣ народнаго обученія, какъ отъ души, убѣдительно и ясно бесѣдуетъ онъ о всѣхъ предметахъ касательно устройства школы, ея учебной дѣятельности, и жизни и т. п., — мы приведемъ нѣсколько его разсужденій о вопросахъ особенно близкихъ сельскимъ пастырямъ, которымъ дорого дѣло народнаго обученія, въ той увѣренности, что они заинтересуютъ ихъ и расположатъ приобрести книгу г. Корфа.

Рѣшая вопросы о томъ, кто можетъ быть надежнымъ сельскимъ учителемъ и соображая всѣ обстоятельства, соприкасающіяся съ этимъ предметомъ, авторъ ведетъ рѣчь »о несомѣстимости занятій священника съ обязанностями школьнаго учителя«. Взглядъ его на этотъ предметъ примиряетъ крайности прежнихъ взглядовъ, изъ которыхъ по одному кромѣ сельскихъ священниковъ едва ли кто можетъ быть надежнымъ школьнымъ учителемъ, а по другому — сельскіе священники совершенно неспособны ни учить, ни заведывать школою, по своей неподготовленности къ педагогическому труду. Авторъ смотритъ на дѣло иначе; онъ такъ разсуждаетъ: »если кто нибудь видѣлъ нужду сельскаго священника, если кто нибудь знаетъ, сколько времени у священника отнимаютъ обязанности по сану; то онъ, не предаваясь мечтаніямъ, хорошо понимаетъ, что священникъ не имѣетъ физической возможности находиться шесть мѣсяцевъ въ году безотлучно въ школѣ. Что же будетъ изъ школы, на цѣлые часы предоставляемой самой себѣ?.... »Священникъ пригласитъ помощника«, скажутъ намъ. »Что и требовалось доказать«, отвѣчаемъ мы на это; этимъ самымъ священникъ и докажетъ, что онъ не имѣетъ возможности посвятить себя школѣ. Но кого онъ пригласитъ помощникомъ? Дьячка, пономаря, или исключеннаго изъ 2-го класса духовной семинаріи, за возможно меньшую плату; выиграютъ ли ученики отъ такого »помощника«, не гораздо ли естественнѣе священнику быть законоучителемъ въ

школъ, учителя которой именовать не «помощником», а просто учителемъ, оставляя на его же отвѣтственности успѣхи обученія по всѣмъ предметамъ, кромѣ закона Божія, и обезпечивая его достаточнымъ содержаніемъ? Независимо отъ обученія закону Божию, за священникомъ останется право наблюденія за религіозно-правственнымъ направленіемъ школы, согласно закону. Все это такъ просто и естественно для того, кто имѣетъ предъ глазами факты. Въ училищномъ участкѣ, мнѣ ввѣренномъ, на 40 учителей былъ всего одинъ священникъ въ истекшемъ году. Неужели мы бы дошли до такого ребячества, чтобы приписывать учительскія способности извѣстному происхожденію, или извѣстный классъ общества считать негоднымъ для дѣла? Неужели въ наши дни еще возможно не понимать такой избитой истины, что дѣло въ словѣхъ, а не въ томъ, какое онъ носитъ званіе?» (стр. 22). Что можетъ быть проще и правдивѣе этого отвѣта на мучительный для нѣкоторыхъ вопросъ—«почему священникъ не можетъ быть школьнымъ учителемъ?»

Излагая совѣты относительно обученія чтенію, авторъ предварительно касается спорнаго вопроса, съ чего начинать это обученіе,—обучать ли прежде русской грамотѣ или церковно-славянскій? »Мы безъ затрудненія отвѣтимъ на этотъ вопросъ, говорить онъ, если дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, съ какою цѣлію люди учатся читать. Учимся мы читать для того, чтобы получить возможность по книгѣ или рукописи усвоить себѣ выраженную въ нихъ мысль; мы учимся читать для того, чтобы понимать то, что мы прочтемъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что начинать обученіе грамотѣ слѣдуетъ съ того языка, который легче понять, который намъ доступенъ: иначе,—на первыхъ же порахъ ученикъ, поставленный въ невозможность понять языкъ той книги, которую онъ читаетъ, приучится читать машинально, не думая о томъ, что онъ читаетъ, не понимая что-то. Если

справедливо, что говорить значитъ не только произносить слова, но и мыслить, т. е. посредствомъ словъ выражать свою мысль, такъ какъ и говорящій понугай не обладаетъ даромъ слова, присущимъ только человѣку: то справедливо и то, что читать значитъ не только умѣть произносить звуки, изображаемые буквами и сочетаніями ихъ, но посредствомъ этого искусства уловить мысль, выражаемую словами книги, т. е. понимать что-то. Мы не хотимъ сказать этимъ, что нѣтъ возможности достигнуть сознательнаго славянскаго чтенія; мы указываемъ только на то, что ребенокъ легче пойметъ русскую, чѣмъ славянскую книгу; а обученіе всегда должно слѣдовать отъ ближайшаго къ отдаленному, отъ простаго къ сложному, отъ легчайшаго къ труднѣйшему. Изученіе славянскаго чтенія труднѣе русскаго, не только потому, что самый языкъ менѣе доступенъ, но и потому, что «титла» т. е. сокращенія, принятые въ славянскомъ языкѣ, затрудняютъ самый механизмъ чтенія, самое образованіе словъ изъ звуковъ, которые соотвѣтствуютъ буквамъ, изображеннымъ въ книгѣ» (стр. 130). Послѣ такого серьезнаго, спокойнаго обсужденія спорнаго вопроса, едва ли кто найдетъ нужнымъ усиливаться доказывать необходимость начинать обученіе чтенію непременно съ церковно-славянской грамоты. И изъ-за чего спорить, горячиться? развѣ не все равно, прежде или послѣ дѣтя научится читать по славянски также вѣрно, бѣгло, выразительно и толково, какъ по русски; а несомнѣнно, что читающему по русски не стоитъ вовсе труда научиться славянскому чтенію. Авторъ отнюдь не оспариваетъ значенія и необходимости славянскаго чтенія для школьниковъ, напротивъ онъ видитъ въ немъ звѣно между школою и народомъ, который любитъ, чтобы дѣти его въ состояніи были читать божественныя книги, читать «по церковному», и это одно свойство славянскаго чтенія, вызы-

вающее довѣріе неграмотнаго люда, находитъ достаточнымъ для того, чтобы обратить особенное вниманіе въ школахъ на чтеніе славянской печати. И здѣсь высказывается разумный, примиряющій крайности, взглядъ на дѣло. Онъ не держится взгляда нашихъ по имени, нѣмецкихъ по духу, новыхъ и скороснѣлыхъ педагоговъ, которые, толкуя объ обученіи чтенію, лукаво умалчиваютъ о славянскомъ чтеніи, находя его лишнимъ для школы; но и не соглашается съ тѣми старинными педагогами, которые твердо стоятъ на одномъ, что только по *псалтырю* и можно научиться читать и что слѣдовательно обученіе грамотѣ должно начинаться непременно съ церковно-славянскаго языка.

Доказавъ ясно и основательно необходимость сельскому учителю, какъ воспитателю, вести нравственно-религіозныя бесѣды съ учениками, авторъ касается вопроса, не можетъ ли онъ оказывать какое либо пособіе законоучителю и въ самомъ преподаваніи закона Божія. Вопросъ этотъ несомнѣнно интересенъ для сельскихъ пастырей, какъ законоучителей. Сколько намъ приходилось слышать, законоучители не желаютъ ничего вмѣшательства въ свое дѣло; законно ли, не эгоистично ли это? По мнѣнію барона Корфа, сельскій учитель, не вступая въ противорѣчіе съ закономъ, можетъ помогать законоучителю и въ преподаваніи закона Божія. »Законоучитель не имѣетъ времени на то, пишетъ онъ, чтобы въ его классѣ дѣти выучили наизусть молитвы, а всякому толкованію молитвы должно предшествовать знаніе текста ея; изученіе послѣдняго должно, по крайней мѣрѣ, идти рука объ руку съ разъясненіемъ смысла выраженій молитвы. Намъ представляется вполне согласнымъ съ духомъ нашего законодательства, если учитель обажетъ содѣйствіе къ тому, чтобы дѣти научились безошибочно прочесть молитву; они не могутъ приобрести этихъ свѣдѣній отъ родителей, такъ какъ послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ,

произносить обыденныя молитвы съ самыми чудовищными искаженіями. Принимая во вниманіе то, что дѣти поступаютъ въ сельскую школу съ стремленіемъ зубрить, учитель поступить неосторожно, если заставитъ неграмотныхъ дѣтей, немедленно по поступленіи ихъ въ школу, заучивать молитвы. Необходимо такимъ ученикамъ мѣсяца три пребыванія въ школѣ для того, чтобы они хоть сколько нибудь освоились съ тѣмъ, что въ школѣ не долбить. На четвертомъ мѣсяцѣ обученія, когда ученики уже изрядно читаютъ, учитель предлагаетъ классу, не найдется ли охотникъ дома по книгѣ, которую даетъ учитель, выучить такую-то молитву? Такихъ охотниковъ найдется непременно не одинъ, если только въ школѣ господствуетъ надлежащая школьная дисциплина; на слѣдующій за симъ день учитель приглашаетъ ученика, выучившаго молитву, прочесть ее вслухъ въ классѣ, что понуждаетъ не отстать отъ этого ученика другихъ товарищей его, еще не выучившихъ молитвы; такимъ образомъ одинъ за однимъ въ самое короткое время, безъ затраты на то учебныхъ часовъ школы, все ученики научатся безошибочно произносить употребительнѣйшія молитвы» (стр. 314). Есть ли основаніе и нужда возражать противъ такого вмѣшательства учителя въ дѣло законоучителя?

Дѣльны и достойны вниманія законоучителей соображенія и совѣты автора о преподаваніи закона Божіи; но такъ какъ мы не разъ останавливались на этомъ предметѣ, разбирая книжки по закону Божію, и, съ другой стороны, такъ какъ предѣлы библиографической замѣтки не дозволяютъ намъ распространяться много; то мы и ограничиваемся приведеніемъ вышеуказанныхъ педагогическихъ разсужденій и дидактическихъ совѣтовъ г. Корфа. Довольно и ихъ, чтобы видѣть справедливость нашей оцѣнки труда г. Корфа и заслуженное сочувствіе къ нему.

Не сомнѣваемся, что всякій, интересующійся дѣломъ народнаго обученія, пожелаетъ приобрести »Русскую начальную школу«. Ни одной изъ разобранныхъ нами книгъ, — а таковыхъ было не мало, — мы не желали такъ искренно возможно большаго распространенія, какъ отъ всей души желаетъ этого книгъ г. Корфа. И внѣшняя сторона книги вполне удовлетворительна: напечатана она прилично, опрятно; цѣна книгъ въ 23 печатныхъ листа съ приложеніемъ разныхъ рисунковъ, таблицъ, образцовыхъ уроковъ, разныхъ упражненій, занимающихъ еще около 6 печатныхъ листовъ, весьма дешевая, даже рѣдкая у насъ. Видно, что издатель хлопоталъ не для барышей, а изъ желанія содѣйствовать добруму дѣлу.

И. Э—скій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІА.

І.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу книга, подъ заглавіемъ: »Патріархъ Кирилль Лукарисъ и его заслуги для православной Церкви«, священника, магистра Александра Брянцева. Содержаніе книги: I. Современное Кириллу Лукарису состояніе восточной Церкви. А) Отношеніе турокъ къ восточной Церкви. Гражданское и умственное, нравственное и религіозное состояніе грековъ. Б) Отношеніе латинянъ къ восточной Церкви. В) Отношеніе протестантовъ къ восточной Церкви. II. Жизнь и дѣятельность Кирилла Лукариса. Его рожденіе и воспитаніе. Кирилль Лукарисъ—патріархъ александрійскій. Кирилль Лукарисъ—патріархъ константинопольскій. III. Несправедливость обвиненій, возводимыхъ на патріарха Кирилла Лукариса непра-

вославыми: а) до появилення приписуваного ему исповѣданія вѣры и б) по поводу появилення подъ его именемъ исповѣданія вѣры. — Цѣна книги 75 коп. Продається въ редакціи «Трудовъ Кіевской духовной Академіи» и у автора въ Кіевѣ.

II.

НОВАЯ КНИГА.

ВЪ КАЗАНИ ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ.

Соч. Ф. Р. Гассе. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора казанской духовной академіи Н. Соколова. Второй томъ. Цѣна: *безъ пересылки* 1 рубль сереб., *съ пересылкою* 1 руб. 20 коп. с.

Желающіе получать эту книгу могутъ обращаться съ своими требованіями въ Казань — къ профессору академіи *Н. П. Соколову* и въ редакцію *Православнаго Собесѣдника*.

По той же цѣнѣ (1 р. 20 к. съ перес.) можно выписывать и 1-й томъ этой книги.

Выписывающіе оба тома вмѣстѣ прилагаютъ за нихъ 2 руб. 30 коп. сер. съ пересылкою.

Воспитанники духовно-учебныхъ заведеній получаютъ каждый томъ по 1 рублю сер. и съ пересылкою.

ОПЕЧАТКИ.

На страницѣ 312 строкъ 10 снизу напечатано *совершаемую*, должно читать *совершаемо*; на той же стран. 4 строкъ снизу напечатано *другомъ*, должно читать *другому*.